

РЕЦЕНЗИЯ

Повестка безопасности для Балтийского региона: государство, общество, личность

Societal Security in the Baltic Sea Region: Expertise Mapping and Raising Policy Relevance. — Riga : Latvian Institute of International Affairs, 2018. — 269 p.

В книге «Социетальная безопасность в Балтийском регионе» [1] рассматривается очень актуальная проблематика, которая имеет не только региональную, но и глобальную значимость. В книгу вошли главы, написанные ведущими экспертами из России, Литвы, Латвии, Эстонии, Беларуси, Польши, Финляндии, Норвегии, Исландии, Дании, Швеции. Правда, подбор авторского коллектива и изучаемая проблематика говорят о том, что более логичным было бы вынести в название не только бассейн Балтийского моря, но и весь регион Северной и Северо-Восточной Европы.

Проблема безопасности современного общества приобрела особую остроту как в практически политическом плане, так и в концептуальном. Этому способствовал целый ряд разнообразных факторов, существенно изменивших повестку безопасности современных международных отношений. Изменения носят двойственный характер в плане возможных последствий как для мира в целом, так и для Балтийского региона.

Во-первых, это глобализация, которая сопровождается повышением прозрачности государственных границ для перемещения людей, товаров и капиталов. Этот процесс неизбежно сопровождается эрозией суверенных прав любого государства. Частичная утрата суверенитета выглядит неоднозначно в свете того, что может происходить в рамках региональной интеграции и углубления сотрудничества в политической, экономической, культурной сферах, что весьма характерно как раз для балтийских государств. Однако никто не отменял ту стихию, которую неизбежно несет с собой вывод управленческих решений на надгосударственный уровень, где пока не создано ни общей правовой системы, ни универсальных моделей управления, сравнимых с государственным по ответственности перед гражданами и по эффективности управленческих решений. В этом смысле частичная утрата суверенитета порождает новые аспекты уязвимости для любого государства.

В свою очередь, новые вызовы безопасности тоже имеют отношение к глобализации. Повышение роли негосударственных субъектов международной политики сопровождается более широким использованием ими нетрадиционных средств влияния. Здесь также наблюдается двойственная картина последствий. Активизация НКО, правозащитных и экологических организаций, трансграничных политических, экономических научных и культурных связей создает ткань сотрудничества, которая удачно дополняет и обогащает межгосударственное взаимодействие. Но есть и другая сторона медали. Поскольку международное право по-прежнему ориентировано на ответственность государства, деятельность негосударственных субъектов, выходящих на надгосударственный уровень, с одной стороны, труднее контролировать, а с другой — сложнее призвать к ответу в случае противоправных действий.

Во-вторых, существенные перемены произошли в соотношении военного («жесткого») и невоенного («мягкого») спектра угроз в пользу последних. Это заметно снизило уровень военного противостояния в Балтийском регионе по сравнению с временами холодной войны. Росту значимости «мягких» угроз способствует в том числе зависимость современного общества от высоких технологий и информатизации, которые проникают во все сферы не только повседневной жизнедеятельности, но и жизнеобеспечения общества.

Однако при открытости западных обществ создается возможность разрушительных и даже катастрофических действий со стороны маргинализованных слоев общества, преступного мира или международных сетей террористов. Аналогичная картина наблюдается в духовно-нравственной сфере, порождая, с одной стороны, развитие экстремистских и радикальных настроений в Европе, а с другой — рост популярности правых идеологий, выполняющих охранительные функции. Политические и экономические потрясения в Северной Африке и на Ближнем Востоке, которые привели к наплыву беженцев в Европу, хорошо показывают глубину проблем, затронувших страны Северной Европы. Есть здесь и политическая составляющая, она касается бывших прибалтийских советских республик, которые, маргинализируя русскоязычное население, сами себе создают пресловутую «пятую колонну».

В-третьих, на настроения элит и восприятие угроз безопасности в странах Балтийского региона сильно повлиял кризис в отношениях России с Грузией (2008) и особенно с Украиной (2014). Наиболее острая реакция последовала со стороны государств, бывших в составе или в зоне влияния СССР: Польши, Эстонии, Литвы, Латвии. Именно они провели возможные аналогии о политике России в их отношении по украинскому или грузинскому сценарию. Долгие годы занимая активную антироссийскую позицию, эти страны вдруг ощутили, что вовсе не обязательно попадут под зонтик военной защиты, на который они так рассчитывали прежде. Истощение финансово-экономической помощи по линии ЕС даже в отношении Польши, этой витрины успеха для неофитов евроинтеграции, только усугубляет мрачные предчувствия научных и политических элит.

В сложившихся условиях государства Северной Европы и Балтийского региона, с одной стороны, прошедшие значительный путь регионального сотрудничества и сближения, с другой стороны, оказываются на распутье на фоне углубления раскола между Западом и Россией, причем речь не идет о сплочении позиции балтийских государств, а скорее, наоборот. Где пределы сотрудничества в сфере безопасности и какие формы оно может принимать? В чем специфика политики безопасности отдельных стран? Возможна ли общая политика безопасности? Можно ли говорить о формировании «третьего пути» в обеспечении безопасности перед лицом кризиса в отношениях Запада и России? Эти и многие другие вопросы, на которые ищут ответ авторы рецензируемой книги, представляют безусловный интерес для научной аудитории.

В методологическом отношении, используя концепцию социетальной безопасности (которая остается предметом дискуссий), авторы продолжают научную традицию Копенгагенской школы в изучении международных отношений. Основной пафос сводится к положению о том, что социетальная безопасность выходит на передний план в ряду всех остальных секторов безопасности: политического, экономического, военного, природоохранного. Идея доминирования социетального сектора безопасности имеет корни в понимании природы безопасности многими представителями постпозитивизма, в частности социального конструктивизма, который лег в основу последователей Копенгагенской школы [2] и продолжателей [3—5].

Оригинальность предлагаемого подхода к безопасности (отражается термином «социетальная») состоит в том, что в фокусе внимания находится процесс восприятия угроз не государством (в лице чиновников), а обществом в целом, что, в общем-то, выпадало из поля зрения традиционных подходов в лице геополитики, стратегических исследований или неореализма. Традиционный взгляд на безопасность ориентирован на выявление объективных условий и факторов, влияющих на восприятие угроз, и формулирование угроз как объективных в отношении общества/государства.

Концепция социетальной безопасности была введена в оборот в 1990-е годы, когда малые европейские государства столкнулись с первыми последствиями углубления европейской интеграции и глобализации. С одной стороны, это централизация на надгосударственном уровне институтов ЕС и начало унификации многих сторон жизни общества по внешним образцам. С другой — увеличение числа мигрантов из европейских государств, меняющих социальную, этническую и культурную среду. И то, и другое ведет к частичной утрате суверенитета государства. В этой ситуации, когда вроде бы интеграция есть благо, но при этом малый народ рискует утратить идентичность как базовые ценности, «раствориться» среди других, и возникает идея разделить безопасность государства и общества.

Итак, Копенгагенская школа вслед за конструктивистами посчитала важным учитывать и субъективную сторону дела, поскольку речь идет о безопасности как социальном феномене. При этом восприятие угроз всегда опосредовано идентичностью конкретных людей, которая имеет множество составляющих: политический опыт, уровень образования, социальное положение, идеологические предпочтения и т. д. Предлагается считать угрозой безопасности именно то, что данное общество считает опасным для себя. Уровень угрозы выявляется с помощью анализа массы текстов, циркулирующих в обществе в письменной и устной форме.

Такая опора на массовость текстов, можно сказать, социологичность, позволяет избежать субъективности оценок, которые «присвоили» себе политики, военные, элиты и пытаются навязывать их обществу как общезначимые. Согласно Копенгагенской школе, сама проблема безопасности сводится к устойчивости идентичности данной общности, будь то государство, или социальная группа, или отдельный индивидуум. Угроза безопасности трактуется как угроза идентичности, включающей в себя такие аспекты, как идеологические и религиозные предпочтения, культура, национальная принадлежность и т. д.

Подобные рассуждения вполне приемлемы, если иметь в виду, что социологический подход дополняет традиционный, но вот если заменяет, на что и претендует Копенгагенская школа, то возникает вопрос: насколько оправданно сводить анализ политики к анализу текстов о политике. Здесь есть над чем порассуждать. Однако авторы книги избегают указанной крайности, предлагая не столько выводы о секьюритизации как речевой практике, сколько анализ доктринальных документов и политических процессов.

Другой важный постулат состоит в том, что государство-центричный подход к безопасности устарел, поскольку государство не всегда в состоянии эффективно бороться с новыми угрозами. Отсюда основной акцент делается на понятие личностной безопасности (*human security*), которая должна превалировать над национальной, то есть определять ее приоритеты. Эта идея замышлялась как сквозная для рецензируемой монографии — так следует из комментария редакторов.

Правда, и здесь есть некоторая нестыковка. Дело в том, что понятие личностной безопасности, вслед за понятием идентичности, определяется предельно широко [6], и не только авторами этой книги. Это принципиальный

подход всего постпозитивизма, а вслед за ним и Копенгагенской школы. В плане практической политики подобная «всеохватность» означает, что политика безопасности должна буквально защищать всех и буквально от всего: и от голода, и от домашнего насилия, и от сексуальной дискриминации, и от болезней [7]. Список потенциально бесконечен. Как мечта, личностная безопасность прекрасна, а вот как реальная деятельность — рискует стать беспредметной... Характерный пример представляет собой норвежская концепция гражданской защиты, о которой один из авторов — К. Морсут — пишет: «легче определить, что не вошло в содержание термина» [1, р. 62]. С другой стороны, гуманитарные аспекты политики безопасности объективно стали важнейшим ее фактором у стран Балтийского региона, и в этом плане концепция личностной безопасности требует безусловного внимания и развития.

Впрочем, в авторской позиции есть и понимание того, что диалог о соотношении личностной и национальной безопасности, национальной и международной безопасности, насилием и ненасилием в политике далек от завершения. А роль государства в обеспечении социетальной безопасности во многих конкретных случаях остается ведущей. Если и идет речь об активной роли негосударственных субъектов политики, то только в тесной координации с усилиями государства. В общем складывается впечатление, что большинству авторов явно «тесны» рамки заявленной редакторами книги [1, р. 8] приверженности Копенгагенской школе. От нее фактически заимствовано только понятие социетальной безопасности, по Б. Бузану, и личностной безопасности. Однако термин «социетальная безопасность» не получил адекватного перевода в большинстве стран изучаемого региона.

Так, в странах Прибалтики, Польше, Беларуси, России социетальная безопасность трактуется совсем не в духе Б. Бузана, а чаще всего просто как часть государственной социальной политики и политики негосударственных субъектов. Речи о противопоставлении государства и общества как различных референтов безопасности, по сути, не идет. Скорее, между ними существует «социальный контракт», либо государство его всеми силами выстраивает. Понятия личностной безопасности и социетальной безопасности если и присутствуют в доктринальных документах, то достаточно формально, без особых разъяснений. Авторы отмечают, что в ходе своей эволюции концепция социетальной безопасности вобрала в себя не только понятие экзистенциальной угрозы для существования идентичности, но и обогатилась термином «личностная безопасность», затем концепцией устойчивого развития и др.

В содержательном отношении рецензируемая книга привлекает прежде всего попыткой новаторского подхода к изучению проблем безопасности Балтийского региона с точки зрения эмпирического материала. Авторы попытались, с одной стороны, продемонстрировать богатое разнообразие политических практик. С другой — они обнаруживают для ряда стран и общие черты, характерные, например, для становления «нордической модели» политики (по выражению авторов Аалтола и Юнтунена).

Имеющая длительную историю, эта модель отличается тем, что такие государства, как Финляндия, Швеция, Норвегия, Исландия, Дания, «близки в плане прозрачности публичной власти, уважения к закону, равенства как ключевой ценности и убежденности в том, что благосостояние общества исцеляет его от раздробленности и создает социетальную стабильность» [1, р. 31]. Корни этой общности лежат в стремлении построить гармоничное общество за счет перераспределения благ при активной социальной политике государства. Другие страны региона, такие как Эстония, Латвия, Литва, едва ли можно поставить в этот же ряд.

Интересной особенностью «нордического», или «третьего», пути является сохранение нейтралитета в период противостояния двух супердержав в период холодной войны. Это особенно характерно для Финляндии, и в этом плане знаменательно, что важный этап примирения России и США в июле 2018 года наступил именно в Хельсинки. Конечно, эту тенденцию «третьего» пути не стоит переоценивать, о чем говорят довольно острые дебаты о проблемах военной безопасности и стремление Запада втянуть в блок НАТО Финляндию и Швецию.

Представляется весьма важным вывод многих авторов о том, что угрозы безопасности странам региона по крайней мере не совпадают, что ставит под сомнение перспективу единой политики безопасности. Отсюда не случайным выглядит факт, отмечаемый авторами, — согласованной позиции по угрозам безопасности в Балтийском регионе пока не сформулировано. В частности, бывшие советские республики и социалистические государства более озабочены «жесткими» угрозами со стороны России: от «гибридной войны» вплоть до прямой территориальной экспансии. Североевропейским же странам характерна более мягкая политика безопасности, которая описывается термином «упругость» (*resilience*).

В интерпретации государств Северной Европы особенность такой политики состоит в акценте на регулирование и сотрудничество в разрешении кризисных ситуаций, в признании отсутствия антагонистических противников у государства и во внимании к вопросам социальной безопасности, скорее связанным с проблемами, приходящими в общество извне, — с неуправляемой миграцией и терроризмом. В Исландии и вовсе основная проблема безопасности формулируется как гарантия гражданских прав на случай злоупотреблений государственных чиновников и полиции [1, р. 44]. Норвегия, Швеция так же склонны трактовать личностную безопасность как гражданскую.

Бывшие советские республики в лице Эстонии, говоря о политике в духе *resilience*, подчеркивают идею сопротивления в перспективе возможной войны с Россией, а не регулирования. Хотя после вступления в НАТО эта риторика формально приблизилась к европейской (то есть к социальной безопасности), война России и Грузии в 2008 году вернула все обратно. Важнейшей составляющей политики социальной безопасности называется «психологическая защита», направленная на «защиту общих ценностей» (включая языковую унификацию, то есть вытеснение русского языка), уверенность в себе, доверие к государству в случае кризиса, пропаганду в массах оборонной тематики [1, р. 102—110]. Все прибалтийские государства и Польша считают важной борьбу против якобы ведущейся информационной войны России, к которой добавилась тема «гибридных угроз» по итогам российско-украинского кризиса. Общим для них является и приоритет безопасности государства над социальной безопасностью.

Хочется обратить внимание на то обстоятельство, что в ряде текстов активно используется некорректная терминология: «российско-украинская война», «агрессия России в Восточной Европе», «аннексия Крыма» и т. д., что отражает значительный накал антироссийской риторики и стремление явно упростить характер происходящих событий, априори сводя их к необходимости предотвратить якобы существующую «российскую угрозу».

Как уже отмечалось, теоретически рамки Копенгагенской школы оказались тесными для авторов. Но ведь реальная политика никому и не обещала оставаться в рамках той или иной политической теории. Ценность данной книги как раз и состоит в том, что проанализированы политические реалии, а не рефлексии по этому поводу, чем так грешат исследования конструктивистов и прочих представителей постпозитивизма.

Книга дает богатую пищу для размышлений о приоритетах политики безопасности стран Балтии и Северной Европы. Эта политика разнонаправлена, а базовые концепты социетальной безопасности трактуются неодинаково. Связано это с разным уровнем социально-экономического развития, социальных проблем, с различиями в геополитическом положении и исторических особенностях взаимоотношений с Россией. Итоги коллективного исследования подводятся в заключительной главе, где суммируется общее и различное в понимании и перспективах политики социетальной безопасности.

Очевидно, что лишь «нордические» государства показывают тренд на согласованную и близкую политику в этой сфере с преобладанием инструментов сотрудничества. В этом плане они в перспективе могли бы создать некое ядро общей политики безопасности на региональном уровне. Авторы делают попытку очертить контуры общей повестки, но они выглядят достаточно абстрактными, скорее как проекты для дальнейшей проработки на экспертном уровне.

В Польше, Эстонии, Литве, Латвии восприятие и формулирование угроз заметно ангажировано идеологическими стереотипами антироссийской направленности. Что за этим стоит? Быть может, страх так или иначе вновь попасть в орбиту российского влияния? И не усилится ли он по мере сокращения помощи от ЕС, которое уже наблюдается? Книга дает ответы на многие вопросы, но еще больше их рождается при чтении...

Список литературы

1. *Societal Security in the Baltic Sea Region: Expertise Mapping and Raising Policy Relevance*. Riga, 2018.
2. *Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis*. L., 1998.
3. *Watson S. The “human” as referent object? // Security Dialog*. 2011 Vol. 42, № 1. P. 3—20. Doi.org/10.1177/0967010610393549.
4. *Морозов В.Е. Россия и другие: идентичность и границы политического сообщества*. М., 2009.
5. *Символическая политика* : сб. науч. тр. Вып. 5: Политика идентичности. М., 2017.
6. *Коньшев В.Н. Безопасность личности — новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2014. № 40 (277). С. 43—56.
7. *United Nations Human Development Program. Human Development Report 1994 — New Dimensions of Human Security*. N. Y., 1994.

Об авторах

Валерий Николаевич Коньшев, доктор политических наук, профессор, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

ORCID: 0000-0002-7257-6848

E-mail: konyshev06@mail.ru

Александр Иванович Кубышкин, доктор исторических наук, профессор, факультет свободных искусств, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

ORCID: 0000-0003-0633-2842

E-mail: kubyshkin.alexander@gmail.com

SECURITY AGENDA FOR THE BALTIC REGION:
STATE, SOCIETY, HUMAN

Societal Security in the Baltic Sea Region: Expertise Mapping and Raising Policy Relevance. — Riga : Latvian Institute of International Affairs, 2018. — 269 p.

References

1. *Societal Security in the Baltic Sea Region: Expertise Mapping and Raising Policy Relevance*, 2018, Rigam Latvian Institute of International Affairs, 269 p.
2. Buzan, B., Waever, O., de Wilde, J. 1998, *Security: A New Framework for Analysis*, London, Lynne Rienner Publishers, 239 p.
3. Watson, S. 2011, The “human” as referent object? *Security Dialog*, Vol.42, no. 1, p. 3—20. Doi: 10.1177/0967010610393549.
4. Morozov, V. 2009, *Rossiya i drugiye: identichnost' i granitsy politicheskogo soobshchestva* [Russia and others: identity and borders of political community], Mosco, Novoe Literaturnoye Obozreniye, 656 p. (In Russ.).
5. *Simvolicheskaya politika: sbornik nauchnyh trudov* [Symbolic politics: collection of essays], 2017, no. 5, Moscow, INION RAN, 356 p. (in Russ.).
6. Konyshchev, V. 2014, Human security — new approach in comprehension of security policy, *Natsional'niye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], №40 (277). pp. 43—56. (in Russ.).
7. *United Nations Human Development Program. Human Development Report 1994 — New Dimensions of Human Security*, 1994, New York, Oxford University Press, 210 p.

The authors

Prof. Valery N. Konyshchev, Department of International Relations, Saint-Petersburg State University, Russia.

E-mail: konyshchev06@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7257-6848>

Prof. Aleksander I. Kubyshkin, Department of Fine Arts, Saint-Petersburg State University, Russia.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0633-2842>

E-mail: kubyshkin.alexander@gmail.com